

СПЕЦИФИКА РОМАНТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ЮННЫ МОРИЦ

В статье рассматриваются стихи Ю. Мориц «оттепельных» и «послеоттепельных» лет, проникнутые духом романтизма. Изображение исключительного характера в исключительных обстоятельствах – основной принцип воссоздания образа лирической героини, исповедующей романтический максимализм, творческую свободу, духовную окрашенность, гиперболизм чувств, вечную молодость души. Поэтизации прекрасного у Ю. Мориц служат: метафорическая образность, фантастическая условность, романтические символы, красочность эпитетов, повышенная эмоциональность, музыка стиха.

Ключевые слова: романтизм, лирическая героиня, поэтический дар, творческая свобода, фантастическая условность, духовная окрыленность, максимализм, гиперболизм, музыкальность.

Юнна Петровна Мориц появилась на свет в 1937 году в Киеве. Училась в Киевском университете, была победителем различных физических и химических олимпиад, но тяга к поэтическому творчеству оказалась сильнее. Бросив университет, она поступила в Литературный институт в Москве (1957–1961). Первое время Ю. Мориц вела полуголодное существование, так как недовольные ее решением родители перестали ей помогать. Денег почти не было; ела раз в 3 дня, спала на вокзалах, скиталась, но продолжала учиться и писать. Никому не жаловалась, и однокурсники о ее положении сначала не знали. Была очень гордой и целеустремленной. Ни к какой группе никогда не принадлежала, оставалась сама по себе. В творчестве Ю. Мориц искала свободу и соответствующую ее духовным устремлениям насыщенную, яркую жизнь.

Время «оттепели», с которым совпала молодость Ю. Мориц, определило романтический дух ее поэзии. Внимание к ней привлекла книга стихов «Мыс желания» (1961), а упрочили ее авторитет книги стихов «Лоза» (1970), «Третий глаз» (1980) и др. Они отразили максимализм устремлений личности, которая хочет не просто состояться, а жить по самому высшему счету.

Автобиографические детали в произведениях Ю. Мориц немногочисленны. В центре ее внимания – духовный мир личности, которая превыше всего ценит наполненность и напряженность внутренней жизни, устремленность к высшим сферам сознания, неподвластность серости и пустоте. Действительность же у Ю. Мориц преломляется сквозь возвышенно-романтическую душу лирической героини.

Для обозначения тех процессов, каковые совершаются в душе, поэтесса нередко использует романтические символы, аллегории, прибегает

к олицетворению, персонификации, фантастической условности. Так, в стихотворении «Всадники» три основных этапа человеческой жизни: детство, юность, зрелость воспринимается лирической героиней как всадники, несущие ее по жизни.

Детство характеризуется как всадник малокровный – истощенный войной и ее невзгодами.

Юность – как всадник полнокровный, сумевший превратить ливень вонзившихся в него стрел (впечатлений) в музыку струн души.

Зрелость у Ю. Мориц – всадник хладнокровный; дитя и творчество в этом возрасте символизируют главные для поэтессы ценности жизни.

И только смерть не обретает в стихотворении конкретного облика, потому что вместо нее Ю. Мориц провидит впереди бессмертие, изображаемое как «свет и музыка».

Другими словами, смерть для себя Ю. Мориц отменяет.

Определяющие черты личности поэтессы, получающие воплощение в стихах, – ощущение своей исключительности, романтический порыв, неистовый темперамент, категоричность суждений. Критик Вл. Новиков отмечает: «...это племя людей навеки отмечено негаснущим пламенем в глазах, неиссякаемой, физически ощутимой жизненной энергией, которой заражает других». И далее: «...Юнне Мориц и ее единомышленникам ведом один ритм – предельный»[4, с. 5]. Чувствуется в этом что-то цветаевское.

Раскрывая незаурядность характера лирической героини, романтизм ее устремлений, Ю. Мориц прибегает к метафорической условности, фантастике.

Лирическая героиня поэтессы стремится быть существом крылатым, имеющим возможность не только ходить по земле, но и летать. О том, как трудно и болезненно осуществляется рождение крылатого существа, идет речь в стихотворении «Рождение крыла» (1964):

Все тело с ночи лихорадило, Температура
– сорок два.
А наверху летали молнии
И шли впритирку жернова.

Я уменьшалась, как в подсвешнике.
Как дичь, приконченная влет. И
кто-то мой хребет разламывал,
Как дворники ломают лед.

Приехал лекарь в сером ватнике, Когда
порядком рассвело.

Откинул тряпки раскаленные, И
все увидели крыло
[3, с. 90].

Метафорически Ю. Мориц повествует о рождении поэта-романтика. Пока у лирической героини одно крыло, но со временем появится и второе. Крылатой, подобно ангелу, оказывается она в более позднем стихотворении – «Осень в Абхазии»:

Рассвета розовое дерево
Шумит надеждами во мне,
И тень моя уходит влево С
двумя крылами на спине
[3, с. 64].

И в этом просматривается воздействие М. Цветаевой, у которой «душа родилась крылатой», да и осталось такой навсегда.

Также лирическая героиня Ю. Мориц может изображаться в виде молодой, красивой ведьмы, летающей на метле, как Маргарита у М. Булгакова («Сыну»), или предстать в виде странствующей волшебницы, для которой нет тайн в окружающем мире («Мой плащ»).

Все это призвано подчеркнуть, что лирическая героиня обладает какими-то особенными качествами, выделяющими ее среди других людей, что она способна к чему-то необыкновенному. Главное из этих качеств – сила творческого воображения, поэтический дар. Он и позволяет видеть по-иному, чем другие, и понимать что-то лучше, и оказывать на людей почти волшебное воздействие. По представлениям Ю. Мориц,

Поэты, очи долу опустив,
Свободно видят вдаль перед собою
[2, с. 11],–

как пишет она в стихотворении «Приход вдохновения» (1965). Это некие прорицатели, постигающие тайнопись жизни, экстрасенсы, через которых говорит о себе мир. У них обострены внутреннее зрение и слух, они сильнее и эмоциональнее реагируют на постигаемое.

Но поэту необходима полная творческая свобода, без которой поставленная цель недостижима и которую отстаивает в стихотворении поэтесса:

Ни у кого не спрашивай: – Когда? –
Никто не знает, как длинна дорога От
первого двестишья до второго, Тем
более – до страшного суда.

Ни у кого не спрашивай: – Куда? – Куда
лететь, чтоб вовремя и к месту?
Природа крылья вычеркнет в отместку
За признаки отсутствия стыда.
Все хорошо. Так будь самим собой!
Все хорошо. И нас не убывает.
Судьба – она останется судьбой.
Все хорошо. И лучше не бывает
[2, с. 11].

В контексте времени, когда существовал государственный контроль за литературой, процитированное звучало достаточно крамольно («Ни у кого не спрашивай»). Но самое важное для поэта – чтобы получились стихи, а что за собой это повлечет (может, и искаленную судьбу) – отходит на второй план.

Что же интересует в жизни поэтессу? Об этом она пишет в стихотворении «Мой кругозор» (1977):

Я не владею испанским, немецким, французским.
Мой кругозор остается достаточно узким – Только
любовь, только воздух и суша, и море, Только
цветы и деревья в моем кругозоре.

Я не владею английским, турецким и шведским.
Мой кругозор остается достаточно детским–
Только летучие радости, жгучее горе,
Только надежды и страхи в моем кругозоре.

Греческим я не владею, латынью, санскритом. Мой
кругозор допотопен, как прялка с корытом – Только
рождение и смерть, только звезды и зерна В мой
кругозор проникают и дышат просторно
[2, с. 303].

В основе произведения лежит антитеза – противопоставление того, чем поэтесса не владеет и чем владеет. Таким образом, при отказе от самолюбования Ю. Мориц дает понять, что в ее кругозоре – звезды, воздух, земля, море, человечество, рождение и смерть: важнейшие универсалии и этические категории. Они вычлняются из конкретики своих проявлений, выходят на первый план. И в самом творчестве они направляют поэтессу по пути утверждения высоких жизненных ценностей, отрицающих примитивизм и приспособленчество, – это независимость, романтическая окрыленность души, служение прекрасному. Дело, которому посвятила

жизнь, Ю. Мориц считает исключительно важным, облагораживающим людей.

Поэзия в восприятии Ю. Мориц – разновидность ясновидения, дающая возможность проникнуть и в прошлое, и в будущее, дать людям представление об идеале. Сама поэтесса предпринимает такую попытку в стихотворении «Воспоминание о будущем» (1978), где живописует мир, лишенный социально-экономических противоречий, антигуманизма, нравственной ущербности, – изобильный, цветущий, совершенный. Путь к нему как к идеалу способно указать искусство:

Счастливые и стройные народы Гуляют
в изобильной стороне,
У женщин безболезненные роды, Мужчин
не убивают на войне.

Упразднены судилища и судьи,
Никто не хочет ничего украсть. Все
ноги в моде, все глаза, все груди, Все
волосы, все люди, а не часть!

Там нет измен, там связей нет порочных,
Злоумью– шага не дают ступить!
Там нет завала ценностей непрочных, И
правде не приходится вопить
[2, с. 275–276].

К идеальным ценностям автор относит в создаваемой утопии мир, свободу, социальную справедливость, реальный гуманизм, всечеловеческое единство. Ю. Мориц подчеркивает высокий уровень жизни, культуры, нравственности, присущий описываемой цивилизации, так как деньги тратятся не на непрекращающиеся войны и на последующее восстановление разрушенного и не на борьбу друг с другом в более скрытых формах, а на созидание и благо людей, причем акцентируется ценность для общества каждой личности в ее индивидуальной неповторимости. Именно о таком совершенном обществе совершенных людей мечтает поэтесса.

Стихотворение входит в книгу «Третий глаз»; в произведении с таким же заглавием говорится о третьем глазе, каким обладает поэт. Данный образ пришел из индийской культуры, где третьим глазом – духовным – наделено божество. Он символизирует всевиденье, всеведение, проникновение в невидимое. Следовательно, Ю. Мориц сближает поэтов и богов.

Ценность поэзии высоко поднимается – сама поэзия с ее светом и красотой рассматривается как прообраз лучшей жизни, характеризуется как

воздух свободы и совершенства, и, если бы ее не было, можно было бы задохнуться.

Ю. Мориц воспевает человека, пронизанного поэзией, способного на прекрасные, возвышенные движения души, на огромные, предельно сильные чувства, в которые вкладываешь всего себя. Для их описания, по словам самой поэтессы, пригодны только гиперболы. За всем этим стоит и непомерность жизненных запросов, и максимализм требований к себе, и жажда полноты духовного бытия. Особенно остра потребность в большом, настоящем, озаряющем жизнь в молодости, когда все познается впервые, свежо и перевозданно. В стихотворении «Невозвратно далеко» (1978) читаем:

Невозвратно далеко (Лет
двадцать позади!)
Все непомерно велико,
На что ни погляди, –
Огромна страсть,
Огромна грусть,
Огромен стыд и сад,
Огромна гроздь,
Огромна горсть,
Огромно все подряд!

Огромно все, что там летит
И тонет навсегда, –
Одни гиперболы плодит Тот
воздух, та вода!
[2, с. 64–65].

Жизненный путь человека с подобным мироощущением непрост, не скрывает Ю. Мориц, – ему нужны одни вершины, а не подножье. Конечно, можно было бы и «дать кругалю» (сделать крюк), но у нее сильная совесть, которая ею помыкает и не позволяет сбиться с избранного пути, идти на компромиссы с обстоятельствами, изменяя себе. Романтик в ней побеждает, сам не будучи побежденным.

Идеалами молодости стремится жить Ю. Мориц и тогда, когда молодость уже прошла. Сама ее душа остается молодой, горячей, ищущей, тогда как обычно человек утрачивает юный жар, остывает, покрывается изнутри коркой. Не случайно у Ю. Мориц большое место занимает поэтизация молодости как лучшего времени жизни, когда все – впереди, энергии с избытком, эмоции обострены, индивидом владеет чувство победителя, а не побежденного (жизнью). Каждое новое поколение ощущает

себя как бы особой кастой, которая и мыслит, и чувствует не так, как все другие, и действительно несет с собой что-то новое. Ю. Мориц любит не только даруемой молодостью свежестью и красотой, но и молодой заносчивостью, дерзостью, уверенностью в себе – сама она прошла через это и, скорее, жалеет, что жизнь многих изменит и от амбиций молодости не останется и следа. Молодым не ведома их будущая судьба – пусть отпразднуют праздник жизни перед ждущими впереди (большинство из них) буднями, озарить которые можно только собственным неугасимым жаром. Подпитывающим его «топливом» является искусство, и не в последнюю очередь – романтическая поэзия, всегда куда-то зовущая, возвышающая над судьбой. Вот стихотворение

«Хорошо быть молодым»:

Хорошо – быть молодым,
За любовь к себе сражаться,
Перед зеркалом седым
Независимо держаться, Жить
отважно – черново,
Обо всем мечтать свирепо, Не
бояться ничего –
Даже выглядеть нелепо!

Хорошо – всего хотеть, Брать
свое – и не украдкой,
Гордой гривой шелестеть,
Гордой славиться повадкой,
То и это затевать,
Порывая с тем и этим,
Вечно повод подавать
Раздувалам жарких сплетен!
[2, с. 7–8].

Особенно ценна у Ю. Мориц молодость по сравнению со ждущим человека «концом», и ее неприятности – ничто в соотношении со ждущей каждого смертью, и, таким образом, дух упадочничества поэтесса отрицает.

Воспевает Ю. Мориц молодость и в стихотворении «Когда мы были молодые...» (1968). Здесь молодость характеризуется как время открытий, переполняющего душу восторга, рождающего поэтические образы. Мир молодости в произведении красочный, яркий и словно переполнен музыкой:

Когда мы были молодые

И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые И
розы красные росли.

В саду пиликало и пело -
Журчал ручей и пел овраг,
Черешни розовое тело
Горело в окнах, как маяк
[2, с. 34].

Не в силах сдержать чувства, Ю. Мориц восклицает:

Тетрадку дайте мне, тетрадку –
Чтоб этот мир запечатлеть,
Лазурь, сверканье, лихорадку, Давясь
от нежности, воспеть
[2, с. 34].

Такой молодость видится спустя годы, и Ю. Мориц дает ее романтизированный образ – в воспоминаниях плохое куда-то ушло, а бьющая в глаза красота мира, жажда интересной жизни, творческий порыв остались в душе навсегда. Значит, лирическая героиня вместе со зрелостью продолжает нести в себе и молодость.

И вместе с тем, по наблюдением Ю. Мориц, если в молодости человек часто напоминает прокурора, каковой судит мир, не приведенный в порядок к его приходу, и выносит ему суровый приговор, то с годами в нем появляется смягчившийся адвокат: и потому, что он на собственном опыте убеждается, как трудно по-настоящему состояться и чего-то добиться, что-то изменить к лучшему, и потому, что в большей мере начинает ценить то прекрасное, что открывается ему в жизни. Это подтверждает стихотворение «Ты молод и свиреп...» (1979):

Ты молод и свиреп, но знай, что будешь
Нежней, чем грусть, и ласковей, чем рожь.
И все, что ныне беспощадно судишь, – Ты
пощадишь, помилуешь, спасешь
[2, с. 139].

И все же именно на молодое поколение с его энергией, стремлением к новому, известным безрассудством Ю. Мориц преимущественно возлагает свои надежды, – может быть, потому, что у достаточно неопытной молодежи меньше страха перед властью и она еще не успела закоснеть в своих привычках.

Поэтесса хочет, чтобы от своей молодости люди сохранили все лучшее, а не растеряли его на трудных жизненных ухабах, становясь все более зрелыми. Относится это и к такой ценности, как любовь.

Любовь погружает человека в особое состояние, преобразует его мировидение. Обычное, повседневное воспринимается как необычное, волшебное, радующее:

Любви прозрачная рука
Однажды так сжимает сердце,
Что розовеют облака
И слышно пенье в каждой дверце
[1].

Приходит состояние эйфорического блаженства, ощущение, что переживаемое мгновение вечно. Так все обстоит с лирической героиней Ю. Мориц в стихотворении «Снегопад» (1983):

Снега выпадают и денно и ночью,
Стремятся на землю, дома огибая. По
городу бродят и денно и ночью Я,
черная птица, и ты, голубая.

Над Ригой шумят, шелестят снегопады,
Утопли дороги, недвижны трамваи.
Сидят на перилах чугунной ограды Я,
черная птица, и ты, голубая
[3, с. 31].

Из-за снега, все покрывающего, город кажется пустынным, как будто он отдан в распоряжение влюбленным. Белизна подчеркивает, какое светлое чувство испытывают герои. Оба они – существа крылатые, поэты, на что указывает их уподобление птицам. Но по отдельным деталям становится ясно и то, что бродят по городу влюбленные и потому, что деваться им некуда – они сбежали в этот город на время от буден, чтобы быть вместе, не привлекая к себе посторонних взоров (что прочитывается в подтексте), чтобы ничто любви не мешало. Их чувства прекрасны, пусть многое проступает из подтекста.

Поэтесса показывает, что у любящих друг друга мужчины и женщины как бы появляется общее кровообращение, настолько они близки друг другу. Все, что есть в мире, – на двоих, все у них единое. Таково общее настроение стихотворения «Дует ветер из окошка...» (1969):

Капля сока, хлеба крошка – Для
тебя и для меня.
В рай волшебная дорожка Для
тебя и для меня
[3, с. 101].

Поэтесса не приукрашивает реальные человеческие отношения – какие-то трения, конфликты в жизни неизбежны и у любящих друг друга, но это не отменяет самой любви, которая помогает преодолеть возникающие обиды. Лирическая героиня хочет, чтобы обретенный рай сохранился и подводит к мысли о том, что в состав любви должно входить и умение уступать друг другу.

Однако перерастание любви в охлажденную и скучную привычку – не для Ю. Мориц. Зная, что многие ее осудят, она, тем не менее, покидает дом, где чувства угасли – имитации любви романтик не признает («Я – хуже, чем ты говоришь...», 1977).

Вл. Новиков пронизательно заметил, что некий тезис, постулат выдвигаемый Ю. Мориц, «не доказывается в стихах, а, подобно музыкальной теме, настойчиво повторяется, варьируется, обогащается разными гранями, одаривается оттенками» [4, с. 5].

Стихи Ю. Мориц действительно очень музыкальны. Напевный тип стиха по интонации, система повторов, обилие аллитераций придает им большую степень ритмической и фонетической урегулированности, мелодичности. Не удивительно, что многие из них стали исполняться как песни («Хорошо быть молодым», «Когда мы были молодые...», «Пони девочек катает...» и др.). Музыкальность подчеркивает лиризм, усиливает эмоциональность произведений.

Красочный характер имеют многие эпитеты Ю. Мориц. Она предпочитает чистые цвета, без оттенков – преимущественно золото, голубизну, белый цвет. Это просветляет стихи, делает их нарядными.

И музыкальность и живописность, и возвышенная метафорическая образность служат у Ю. Мориц поэтизации прекрасного.

Прекрасно, по Ю. Мориц, то, что обогащает и возвышает жизнь, делает ее яркой, насыщенной, одухотворенной, многообразной.

Прекрасное способно дать наслаждение, умиротворение, восхищение, потрясать как явление совершенной жизни, к которому нечего добавить и от которого нечего отнять.

В посвященном Б. Окуджаве стихотворении (1979) Ю. Мориц утверждает:

Не бывает напрасным прекрасное. Не
растут даже в черном году

Клен напрасный, и верба напрасная, И
напрасный цветок на пруду
[2, с. 16].

Прекрасное – необходимо, оно вносит в жизнь свою долю блаженства. Поэты-романтики и обнажают эту сторону жизни, нередко от других скрытую. В их числе, безусловно, – Ю. Мориц.

Лучшее из написанного поэтессой с годами не только не устаревает, а, напротив, приобретает все большую актуальность.

Библиографический список

1. Мориц, Ю. Все стихи. / Ю. Мориц. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://45parallel.net/yunna_morits/za_nevlyublennymi_lyudmi.html. – Дата доступа: 15.09.2022.
2. Мориц, Ю. Избранное / Ю. Мориц. М.: Советский писатель, 1982. – 496 с.
3. Мориц, Ю. Лоза / Ю. Мориц. М.: Советский писатель, 1970. – 164 с.
4. Новиков, Вл. Ритм души / Вл. Новиков // Лит.газ. – 5 авг. 1981 г. – № 32. – С. 5.